страшная сила... инерции

институциональные аспекты развития предпринимательства

Быстрая смена устоявшейся системы институтов, затрагивающая лишь часть формальных норм и правил, может привести к катастрофическому рассогласованию в функционировании формальных и неформальных институтов любой страны. Именно это произошло после применения в России и странах Восточной Европы неоклассической экономической модели реформ.

Общественное согласие, возникшее на основе демократических политических преобразований, позволило довольно быстро сломать старую систему формальных норм и выстроить на ее месте некий новый «каркас» из принципиально иных социально-экономических институтов. Однако столь же быстро возникнуть и закрепиться «новые рутины» не могли. А это, в свою очередь, неизбежно должно было вызвать ухудшение общей экономической ситуации, особенно, если изменения окружающей среды шли в разрез с прежними стереотипами делового поведения.

В принципе отмеченное рассогласование сопровождает любое реформирование и преодолевается постепенно, по мере отбора и накопления предпринимателями оптимальных в условиях изменяющейся окружающей среды способов поведения, закрепляемых в «новых рутинах». Особенность постсоциалистической, прежде всего, российской трансформации заключается в том, что одновременно испытывает стресс перемен огромное число разнообразных предприятий[1] . В этом случае нормальная адаптация к изменившейся среде затруднена и происходит углубление кризиса. Поэтому длительный трансформационный спад имеет и вполне логичное институциональное объяснение. И, чтобы кризис не обернулся катастрофой, в каче-

Полярус А. В.
доцент,
канд. экон. наук
Санкт-Петербургский Государственный Технологический Институт (Технический Университет)

стве своего рода стабилизатора в нестабильной среде в переходный период необходимо использовать какую-то часть привычных правил. Выбор конкретных вариантов стабилизирующих институтов определяется специфическими условиями каждой страны. Особая роль здесь отводится государству.

Опыт первых лет трансформации в России, когда политика государства характеризовалась максимальным дерегулированием экономики, весьма показателен. Логика действий реформаторов требовала свободного формирования рыночных институтов при минимальном участии государства. Между тем решить главные задачи перехода к рынку без последовательного государственного контроля невозможно.

Осуществление масштабных структурных сдвигов в российской экономике, либерализация торговли, формирование ее принципиально новой законодательной базы и организационных структур, оздоровление бюджета, преодоление инфляции, урегулирование проблем внутреннего и внешнего долга, установление и защита правопорядка, обеспечение прав частной собственности – все эти вопросы не могли решаться на основе саморазвития соответствующих институтов. Опыт постсоциалистической трансформации вообще не знает случаев самозарождения институтов рынка.

При отсутствии сознательной целенаправленной политики государства вакуум институтов рынка заполняется псевдорыночными структурами, подменяющими функции государственных органов или имитирующими инфраструктуру рынка. Общеизвестно массовое и практически бесконтрольное образование в первые годы реформ всевозможных бирж, фондов, финансовых и инвестиционных компаний, банков, холдингов и т.п.[2] В структурах государственного аппарата, в свою очередь, формировались многочисленные группы интересов и их разнообразные коалиции, использовавшие слабость государства и отсутствие четких норм государственного контроля. Псевдорыночная инфраструктура, особенно в финансовом секторе, не только не способствовала реальной реструктуризации

компаний и эффективному переливу капиталов, но и прямо противодействовала им. В немалой степени к этому подталкивали опыт и навыки работы на скрытых рынках плановой экономики.

чтобы кризис не обернулся катастрофой, в переходный период необходимо использовать какую-то часть привычных правил

Многие просчеты российских реформ, по нашему мнению, объясняются непроработанностью вопроса о роли государства в создании и защите институтов рынка. Анализ показывает, что именно названный фактор определяет успехи или провалы переходной экономики. Темпы и последовательность конкретных реформаторских шагов, чему придавалось такое большое значение в первые годы рыночной трансформации и о чем до сих пор идут бурные дискуссии между сторонниками «шокотерапии» и градуализма, правыми и левыми, оказываются уже не столь важными *по сравнению с перестройкой системы институтов.*

Конкретные действия государства зависят от национальной специфики и состояния экономики в каждый данный момент. Но оно ответственно за главное в сложных условиях переходного периода – *не допустить коллапса институтов, обеспечить смену институциональной системы*, избегая слишком острых конфликтов между разрушающимися старыми и возникающими новыми институтами.

В соответствии с первоначальной логикой проведения российских реформ при выработке новых стереотипов поведения предприятия должны были делать оптимальный или, по меньшей мере, рациональный выбор из множества потенциальных возможностей в складывающейся рыночной среде. В действительности основная их масса предпочла линию на преемственность делового поведения в условиях внешней неопределенности и сохраняла устойчивые стереотипы, базирующиеся на «привычных рутинах». Реальный запас «рутин», накопленных за десятилетия господства административно-плановых методов управления экономикой, позволял выбрать нужные для каждой конкретной новой ситуации (причем эффективность выбора зависела от опыта и способностей менеджмента).

В неопределенной среде, недостаточно структурированной и упорядоченной действиями

новых формальных институтов, удачный выбор и исполнение «рутин» одними организациями послужили сигналом для других. *Возникли новые алгоритмы поведения, что особенно ярко проявилось при катастрофически быстром распространении неплатежей, переросшем в настоящий платежный кризис.*

К ужесточению денежной политики большинство предприятий стало приспосабливаться с помощью хорошо известных им методов, реагируя на финансовый прессинг властей не сокращением расходов и поиском других возможностей своего финансового оздоровления, а ростом взаимного кредитования. Такое поведение логически вытекало из привычной пассивной денежной политики предприятий в плановой советской экономике, когда кредиты и долги, по сути, не обременяя ни должников, ни кредиторов, просто списывались. Взаимные и банковские неплатежи быстро охватили реальный сектор экономики, вовлекая в свои сети также и те предприятия, которые вполне могли либо рассчитываться по обязательствам, либо нести необходимую имущественную ответственность.

Поскольку в рыночной экономике институт частной собственности играет ключевую роль, считалось, что переход к рынку в постсоциалистических странах связан, прежде всего, с приватизацией. Между тем *преимущества рыночной экономики могут быть задействованы, главным образом, на основе развития институтов предпринимательства, эффективных и защищенных контрактных отношений, ликвидного рынка капиталов, четких правил образования и функционирования субъектов экономики, нормальной конкуренции с соответствующими правилами входа на рынки и выхода с них.*

Частный сектор экономики в постсоциалистических странах представлен так называемыми новыми частными фирмами и приватизированными предприятиями. Институциональные предпосылки создания рыночной экономики рассчитаны на частный сектор как таковой, независимо от форм возникновения частных предприятий: путем приватизации госсобственности или за счет использования нового частного капитала.

решить главные задачи перехода к рынку без последовательного государственного контроля невозможно

В России и других постсоциалистических странах не было условий для достаточно быстрого и массового появления новых частных предприятий. Дилемма – новый частный сектор или приватизированные предприятия – явно решалась в пользу приватизации. Вместе с тем реформы и не предусматривали целенаправленных мер по формированию надежных институтов быстрого развития предпринимательства – обеспечения необходимой полноты правопорядка и защиты частной собственности и контрактного права. Приватизация сама по себе не создавала ни системы частного права, ни частного сектора экономики.

при отсутствии сознательной целенаправленной политики государства вакуум институтов рынка заполняется псевдорыночными структурами

Пассивность государства на начальном этапе трансформации стала причиной того, что в переходной экономике России и других стран своевременно не сформировались, да и сейчас еще весьма слабо развиты правовые основы частной собственности и соответствующая инфраструктура. Приватизация же, как и рыночная трансформация в целом, имеет смысл только в том случае, если такие институты есть. Причем гарантом защиты прав частной собственности и исполнения контрактов должно быть именно государство. Видимо, справедливо и другое: *наличие защищенных и гарантированных государством институтов предпринимательства и частной собственности позволило бы не очень торопиться с приватизацией.*

Важным институциональным аспектом рыночной трансформации во всех постсоциалистических странах является создание своего рода «опосредующих» институтов, необходимых в период радикальных социально-экономических перемен. В странах с развитой рыночной экономикой и прочными демократическими традициями общество и отдельные индивиды относительно терпимо относятся как к различиям в нормах прибыли фирм, отраслей и регионов, так и к существующему вполне привычному имущественному расслоению. Социалистическое общество с его совсем иными традициями патернализма, уравнительности, коллективизма, общими стандартами социальной защищенности и справедливости создало другие формальные и неформальные институты, не

совместимые с нормами рыночной экономики. Во избежание резкого дестабилизирующего институционального конфликта необходимы опосредующие институты, облегчающие переход к рыночным отношениям. Ими могут служить формальные нормы урегулирования конфликтных ситуаций, например, законы о забастовках, об отношениях наемных работников и работодателей и т.п. В качестве опосредующих институтов могли бы выступать и четко определенные социальные ориентиры реформ – выработка пакетов социальных гарантий (имеются в виду не просто социальные выплаты, но такие «макроэкономические» меры, как адекватная, а не символическая индексация заработной платы в зависимости от уровня инфляции), государственные программы помощи безработным, борьбы с бедностью и др.

Таким образом, по нашему мнению, рыночная трансформация постсоциалистической экономики связана с радикальной перестройкой ее институциональных основ.

[1]П. Мюррел в работе «Эволюция экономической теории и экономических реформ в странах с централизованным плановым хозяйством» отмечает, что в таких условиях неизбежно устанавливается глубокая обратная связь между снижением эффективности корпораций в одной отрасли и ухудшением положения в других отраслях (в кн.: Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы, с. 74-75).

[2]Так, К. Нильсен в статье «Институционализм и проблемы посткоммунистической трансформации» пишет: « ... В этой мутантной экономике возникает комбинация элементов, многие из которых имеют корни в прошлом и развиваются в какие-то новые капиталистические структуры» (в кн.: Эволюционная экономика на пороге XXI века. Доклады и выступления участников международного симпозиума в г. Пущино, сентябрь 1996г. М.: Япония сегодня, 1997, с. 165).

Окончание следует

приватизация сама по себе не создавала ни системы частного права, ни частного сектора экономики